

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Виталий Бианки

ЧЕЙ НОС ЛУЧШЕ?

Виталий Валентинович Бианки
Чей нос лучше? (сборник)
Серия «Школьная библиотека
(Детская литература)»

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7086100
Чей нос лучше?: Детская литература; М.; 2001
ISBN 5-08-003961-2

Аннотация

В книгу известного детского писателя входят рассказы и сказки о природе и животных. Они учат детей быть наблюдательными, по-доброму относиться ко всему живому на земле.

Содержание

Сказочник из страны Див	6
Не любивший слова «природа»	6
«Нас-то учишь, а сам?..»	10
Правда отца и правда сына	13
Сказка, ставшая народной	18
Загадка детских классиков	22
О природе – значит, о людях!	25
Рассказы	28
Мышонок Пик	28
Где раки зимуют	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Виталий Валентинович Бианки

Чей нос лучше?

© Издательство «Детская литература». Сост., оформл. серии, 2001

© В. В. Бианки. Текст, наследники

© С. Сивоконь. Вступ. ст., 2001

© В. Бастрыкин. Рисунки, 2001

Burt Shavitz

1894—1959

Сказочник из страны Див

Кто не любит природы, тот не любит и человека, тот не гражданин.

Ф. Достоевский

Не любивший слова «природа»

На свете не бывает чисто детских писателей, которые всю жизнь работали бы исключительно для детей.

Не бывает на свете чисто природоведческих писателей, которые писали бы исключительно о природе.

Однако почти у любого правила бывают и исключения. И вот одно из них – Виталий Валентинович Бианки (1894–1959). Писатель, которого знают и любят читатели самых разных возрастов, – как говорится, «от двух до восьмидесяти». Но сам он писал почти исключительно для детей и почти исключительно о природе. И при этом – вот что самое удивительное – не любил самого слова «природа»! Потому что, полагал он, слово это испорчено (люди учёные сказали бы – «скомпрометировано») слишком уж частым и неуместным употреблением.

– Болтают: «природа, природа», – ворчал он, – а сами придут на пляж или в лес и тут же без зазрения совести его за-

мусорят. Вот тебе и «природа»!

Ещё больше раздражало его ходячее выражение «покорение природы».

– Не покорять её нужно, – возмущался он, – а понять, изучить, узнать, и она сама откроет тебе свои кладовые и свои музеи. И первое, с чего надо начать, – это перестать природу грабить. Да-да, грабить! У природы надо брать в долг. Срубил тысячу деревьев – столько же и посади. Выловил в озере крупную рыбу – дай подрасти малькам. Иначе останешься без леса и без рыбы. Мало тебе зверей в лесу – организуй лесное хозяйство. Но не будь хапугой, не превращай свою землю в пустыню!

Сегодня эти мысли понимают и разделяют многие (хотя далеко не всегда следуют им!). Но Бианки-то высказывал их 40 лет назад, когда они и звучали редко, и мало кто к ним прислушивался.

Да и не очень-то он надеялся обратить в свою веру взрослых, больше рассчитывал на главных своих читателей – детей.

Впрочем, когда-то он думал иначе.

В годы Великой Отечественной войны по заказу Наркомпроса, который расшифровывался как Народный комиссариат просвещения, Бианки пытался составлять сборник, адресованный воспитательницам детских садов, коих он ласково и метко окрестил «детсадовницами». Сборник-хрестоматия, составленный им, назывался «Страна Див» (вот что

предлагал он взамен слова «природа»!). Бианки привлёк к участию в сборнике много известных писателей, объяснил им замысел, «распределил роли», написал яркое, зажига-тельное предисловие, которое, говоря словами поэта, «могло бы и мёртвых сражаться поднять». Сражаться за подлинное, полноценное воспитание детей, признающее за ними право всегда *быть детьми*.

Писатель мечтал с помощью искусства открыть глаза «детсадовницам», а через них – и детям на то, что называют природой. Так сказать, включить их зрение и слух (а если удастся – и чутьё!) на «обыкновеннейшие объекты и явления природы» (письмо к писательнице Н. Павловой).

Увы! Романа с Наркомпросом и Учпедгизом (который должен был издавать «Страну Див») у Бианки не вышло. Через несколько месяцев он уныло сообщал Н. Павловой, что попал в «совершенно равнодушную среду. Ничего страшней этого для искусства быть не может. Инертность, косность мёртвой материи убивает всякую жизнь». Вместо живого и оригинального заглавия сборник вышел под трафаретным заголовком «Четыре времени года» и оказался вполне зауряден.

С тех пор прошло много лет, но ни одному большому писателю так и не удалось до сих пор составить школьный учебник или хрестоматию по своему вкусу, хотя за это брался не только Бианки, но и К. Чуковский, и С. Маршак (они предлагали создать учебник и хрестоматию по литературе).

Бианки, пожалуй, ближе всех подошёл к осуществлению заветной писательской мечты. И хотя подготовленный им сборник не был школьным учебником, по замыслу своему он был прообразом будущих школьных учебников – живых, увлекательных, ярких, пронизанных не только наукой, но и поэзией. Рано или поздно такие учебники будут созданы!

«Нас-то учишь, а сам?..»

– Жестокость людей оборачивается прежде всего против них самих, – говорил Бианки, слыша рассказы друзей о бесчеловечном отношении к «братьям нашим меньшим». – Она развращает. А от жестокости к зверю до жестокости к человеку – один шаг. Никакая материальная выгода не может оправдать жестокости.

А впрочем, в ответ на такие слова читатель может писателю возразить: «Нас-то учишь, а сам?..» И правда: ведь писатели-природоведы – это, как правило, бывшие, а то и действующие *охотники*, порой довольно заядлые. Таким был и Бианки. Дома у него можно было видеть медвежью шкуру, чучело летучей мыши, лосиные рога и иные охотничьи трофеи. Долгие годы держал он отличных охотничьих собак – тоже, конечно, не красы ради... Был у него и особый документ, разрешавший ему охоту в любое время года (а зачем в любое время охотиться, когда, к примеру, птицы на яйцах сидят?). Хотя верно и то, что с годами ружьё Виталия Валентиновича стреляло всё реже: жажда исследования брала верх над инстинктом охотника.

«Что такое выстрел охотника-любителя? – размышляет Бианки. – Это «мгновение, остановись!». Чудо-существо вылетело, выскочило, поразило воображение. Его надо остановить, охватить, рассмотреть, понять! Гремит выстрел, птица

падает, но мгновение не остановлено, и удовлетворения нет. Потому что в руках у тебя уже не чудо жизни, а мёртвое и дряблое тело».

Собственная судьба подсказывала ему, что охота-исследование куда интересней, чем охота-убийство. Да и книги его ясно говорят в пользу первой. Безжалостные и кровожадные охотники из его ранних книг с годами изгонялись со страниц его прозы, уступая место охотникам вдумчивым и дальновидным. Если в его известной книге «Лесная газета на каждый год», сложившейся в 20-х годах, ещё встречалось не очень-то приятное восхищение удачными охотничьими выстрелами: «Бах!.. – и, колесом, колесом крутятся в воздухе, задний вальдшнеп медленно падает в кусты», и даже остроумные заглавия газетных заметок порой вызывали раздражение (так, заметка «Одураченные тетерева» рассказывала, как охотник убивает «глупых» птиц, подманивая их с помощью тетеревиного чучела), то в конце жизни, готовя серию популярных радиопередач «Вести из леса», Бианки начисто исключил из них подобные сцены. А в научно-фантастическом рассказе «Пули профессора Горлинко», где изображена охота будущего, пули охотника не убивают, а лишь временно усыпляют животных, чтобы можно было поймать их и приручить. Главным же оружием охотника оказываются фотоаппарат, кинокамера и магнитофон.

Нельзя не заметить, что многое из описанного в этом рассказе действует и сегодня, а кое-что даже шагнуло вперёд.

Охота обычная всё больше вырождается (вот как писал о ней современный писатель С. Романовский: «Борьба-то уж очень неравная. У меня ружьё, из которого можно и медведя свалить, а у утки ничего, кроме быстрого полёта... На каждую утку приходится много охотников, пять-шесть ружейных стволов. Это уж не охота, а неизвестно что»), а фото-, кино- и магнитофонная охота получают всё большие права. Не случайно Н. Сладков после смерти Бианки выпустил книгу «Смелый фотоохотник». Жаль, правда, что выходила она, кажется, один-единственный раз – в 1964 году. Хороший пример, в отличие от дурных, увы, не стал заразительным.

Правда отца и правда сына

По книгам Бианки можно изучать классификацию животного мира: среди героев его книг – млекопитающие, рыбы и птицы, земноводные и пресмыкающиеся, насекомые и членистоногие... Есть, наверно, и представители других классов, но сразу всех не упомнишь. Однако среди этих бесчисленных героев есть у него и самые любимые – птицы! Недаром они явно преобладают в творчестве писателя, им посвящено подавляющее большинство произведений, притом лучшие из них!

Среди предков Бианки, ведущих свой род из Италии, были выдающиеся певцы, чаровавшие своим искусством весь мир, – вот и ещё одна причина любви писателя к птицам! Да что там предки, когда отец писателя, Валентин Львович Бианки, имел к птицам самое непосредственное отношение: до революции он заведовал орнитологическим (птичьим) отделом Петербургского зоологического музея Академии наук. В музей этот Виталий (впрочем, в детстве его звали Витей) приходил чуть ли не ежедневно. Звери, птицы, рептилии там были представлены в разных живых сценках, которые маленький Витя принимал за взаправдашние: вот два тигра с оскаленными зубами – сейчас бросятся друг на друга... Вот утка вылетает из травяного гнезда, а в гнезде – яйца... Вот орёл поймал громадную рыбку... А это крючко-

носые грифы пируют, отыскав мёртвую собаку...

Ну а дома был действительно *живой*, не музейный уголок. В огромной клетке жили птицы, был аквариум с рыбами и террариум с черепахами, ящерицами и даже змеями. Летом, когда жили в деревне, бывали у них и ежи, и зайчата, и белки. Ручной лосёнок бегал за Витей как собака.

До 1915 года, пока была жива мать семейства, Клара Андреевна, семья Бианки каждое лето уезжала в Лебяжье – недалеко от Ораниенбаума. Природа там была на любой вкус: и камыши на побережье, и открытая вода Финского залива, и поля, и речка, и казённый лес, полный дичи... А весной и осенью пролетали через эти места тысячи птиц: здесь как раз пролегал их Великий морской путь. О нём Бианки написал потом книгу «На Великом морском пути».

Да и другие его книги зарождались здесь, в Лебяжьем: повести «Одинец» и «Лесные домишки», сказка «Красная горка», цикл рассказов «Про одного мальчика».

Замечательно подготовил отец для Вити и его среднего брата Толи их первый поход с матерью в настоящий, дикий лес. Впечатления от этого похода всю жизнь питали фантазию писателя.

«– Видите эту согнутую берёзку? – сказала мать сыновьям. – Это папа согнул её, чтобы нам не сбиться с пути...

Отец сейчас же представился мне великаном «выше леса стоячего», – вспоминает об этом замечательном дне писатель. – Он взял и пригнул рукой эту высоченную тонкую

берёзу, как травинку.

Но это была далеко не последняя забота отца.

...Вышли к лесному роднику – небольшой песчаной ямке, тщательно прикрытой кусочком лесной коры. И вновь прозвучал голос матери:

– Это наш папа положил кору, чтобы в родничок не сыпался всякий мусор. А это папа сделал берестяной ковшичек, чтобы удобней было черпать воду».

«В жизни я не пил такой вкусной воды, как эта!» – признаётся писатель.

«Они позавтракали, отдохнули. Пора было возвращаться обратно.

– А найдём ли мы дорогу домой? – спросила мать. – Куда бы вы отсюда пошли?

Братья растерянно оглянулись вокруг. С трёх сторон их полянку окружал лес. Он был везде одинаковый. А с четвёртой стороны виднелся обрыв. Куда же идти?..

– Вот так мы и заблудились бы, – сказала мать, – если бы папа заранее о нас не подумал. Смотрите: он всюду поставил стрелки.

В самом деле: на затёсанных стволах деревьев чернели стрелки, оставленные отцом...»

«После этого дня, – вспоминает Бианки, – у меня надолго осталось убеждение, что отец мой – вроде какого-то лесного духа, маленького, но могущественного. Он может взлететь к вершине самого высокого дерева и согнуть его в дугу, при-

гнуть вершиной к земле. Он знает в лесу все тайные тропинки, все скрытые роднички, знает всех лесных птиц и зверей, понимает их язык и распоряжается ими».

Справедливости ради скажем, что и мать тут оказалась на высоте. Воспитательный спектакль, разыгранный в тот день в лесу, был поставлен и сыгран при её активном участии.

Думается, тот памятный день и решил судьбу обоих братьев, первый раз побывавших в настоящем лесу.

Старший из них стал учёным-биологом, а младший – писателем.

Наверно, у него было больше фантазии.

Этим он отличался и от отца.

В рассказе «Птичья песенка» из автобиографического цикла «Про одного мальчика» юный герой, коему отец подарил ружьё, стреляет в ястреба, схватившего зяблика. Когти хищника разжались, и «спасённый зяблик взлетел на дерево, отряхнулся, повернулся к мальчику и запел...

Мальчику очень понравилась эта песенка. Он подумал: «Ведь это он благодарит меня за то, что я спас его от ястреба».

Дома, однако, отец разочаровал юного спасателя:

«– Всё-то ты выдумываешь. Совсем не для того пел зяблик, чтобы поблагодарить тебя.

– А для чего же? – спросил мальчик.

– Ни для чего. Ушёл от когтей ястреба, вот и запел. Поёт и сам не знает, почему, отчего, для кого он поёт. А что это

ты освободил его от ястреба, он даже и не подумал».

На стороне отца – бесстрастная научная правда, на стороне сына – правда фантазии, если хотите – правда художественная. Читателю, особенно юному, она, конечно, дороже. Не только своей справедливостью (ведь слово «правда» означает не только истину, но и справедливость), но и логикой повествования. Ибо читатель не может поверить, чтоб случай этот рассказывался просто так. Ни за чем. Внесение логики и смысла в случайные факты жизни – это и есть задача искусства, сущность работы писателя.

Подобный же случай происходит в другом рассказе этого цикла – «Дробинка». Убив уточку из того же злополучного ружья, мальчик видит, как селезень, друг этой уточки, взмывает после этого в небо и вдруг как камень падает вниз...

Мальчик подумал: «Ах, зачем я убил уточку! Вот и селезень не захотел жить без неё».

Отец, однако, снова поправляет сына: оказывается, в селезня тоже попала дробина – оттого он и упал, и разбился...

Да, «по науке», наверное, так и было. И всё же, читая рассказ, мы опять больше верим мальчику, а не его всезнающему отцу, потому что настроились на волну переживаний юного героя. Такова сила художественной правды.

Сказка, ставшая народной

В то же время Бианки не раз отмечает заслуги отца в своём приобщении к природе, а значит, и в его становлении как писателя.

«Отец рано начал брать меня с собой в лес, – вспоминает он. – Он каждую травку, каждую птицу и зверюшку называл мне по имени, отчеству и фамилии. Учил меня узнавать птиц по виду, по голосу, по полёту, разыскивать самые скрытые гнёзда. Учил по тысяче примет находить тайно от человека живущих зверей. И – самое главное – с детства приучил все свои наблюдения записывать. Так приучил, что это вошло у меня в привычку на всю жизнь».

Привычка эта видна и в книгах Бианки. Там он тоже не терпит ничего общего, неконкретного в описании природы.

Правда, в его рассказе «Глупые вопросы» действует «средняя» птичка, «просто птичка», но на то она и выбрана в герои, чтоб доказать, что таких «просто птичек» в природе не бывает.

Нелюбовь к «среднему» распространялась у Бианки не только на описания животных («Птицы – тоже животные!» – не уставал напоминать он), но и на описания вообще. У него нет «типовых» пейзажей – есть лишь единственные, неповторимые, когда-то увиденные в жизни. И изображать их стремится он так, чтобы читатель запомнил их навсегда и

при случае мог узнать на местности.

– Вот вы пишете: «Я сел на пень», – говорил Бианки уральскому леснику, автору принесённого к нему рассказа. – Пней-то, батенька мой, не бывает. Есть пни берёзовые, сосновые, осиновые. Одно дерево спилили, другое под топором легло, третье погибло в лесном пожаре. А пожар был такой, что его до сих пор помнят. Пень пню рознь... Все это писать надо, и писать точно.

Эта тяга к конкретности, основанная на глубоком, истинно научном понимании природы, – одно из важнейших отличий книг Бианки от прежних, дореволюционных книг подобного рода. Это знак новаторства, подлинной оригинальности творчества Бианки.

«И до Бианки писали о птицах, зверушках и рыбах, – замечает всё тот же Н. Сладков. – Но чаще это были либо переодетые в животных человечки, либо просто зверушки, просто птички и вообще рыбки. Бианки же каждого назвал своим именем, каждый у него живёт там, где ему положено, и действует так, как это присуще только ему».

Не менее важно и то, что истории, описываемые Бианки, не из головы взяты, а из жизни, из личного опыта автора. Все они по-настоящему *пережиты*. Отсюда – конкретность обстановки, свойственная его рассказам и сказкам, отсюда же географическая и биологическая точность описаний.

Учителями Бианки в литературе были Лев Толстой с его охотничьими рассказами и рассказами о животных («Лев и

собачка» и пр.), С. Т. Аксаков с его романом «Детские годы Багрова-внука» и «Записками ружейного охотника Оренбургской губернии», а также Д. Н. Мамин-Сибиряк, автор знаменитых рассказов и сказок, в том числе гениальных «Алёнушкиных». Явно не прошли мимо него книги И. С. Тургенева и А. П. Чехова. А из писателей зарубежных с детства зачитывался он книгами Э. Сетона-Томпсона.

Бианки оказался достойным этих великих имён. В знании главного своего предмета – природы, в точности описаний своих крылатых и четвероногих друзей он им вряд ли уступит, а поэтичность его рассказов и сказок делает их интересными для любого читателя. Иные его сказки можно записать как стихи, и это не будет натяжкой:

Стоял в лесу дуб.
Толстый-претолстый,
Старый-престарый.
Прилетел Дятел пёстрый,
Шапка красная,
Нос вострый...

(«Теремок»)

Не правда ли, вполне настоящее, ничуть не ущербное стихотворение получилось! Мы не можем цитировать дальше, но, поверьте, его так и до конца можно записать. И если не знать, что оно написано в прозе, можно, пожалуй, и не догадаться об этом.

Около пятнадцати лет собирал Бианки народные поговорки, загадки, дразнилки, прежде чем создал свои «Птичьи разговоры», равно выразительные и с птичьей, и с человеческой стороны. А сколько объездил он разных мест, сколько выслушал разговоров, сколько встречался и беседовал с детьми! Вот почему его книги такие живые, лаконичные и мудрые.

О народности его сказок лучше всего говорит такой, не лишённый комичности, факт. Однажды в журнале, где Бианки печатался 20 лет, появилась китайская народная сказка «Муха». О том, как Муха, мечтая занять хвост, долго выпрашивала его у разных птиц и зверей, но хвост был всем нужен для дела, и Мухе его никто не хотел отдавать...

Узнав в сей «китайской» сказочке свою давнюю сказку «Хвосты», Бианки послал в редакцию открытку с надписью «Привет из Ленинграда!» – так всегда он делал, когда возмущался чем-то. Но усы у него топорщились весело. Ещё бы! Его сказка облетела весь мир, стала народной и вновь вернулась к нему... Тут не сердиться, а радоваться надо!

Загадка детских классиков

Бианки принадлежит к славному содружеству советских детских классиков, куда входили такие замечательные писатели, как Сергей Григорьев, Корней Чуковский, Борис Житков, Самуил Маршак, Лев Квитко, Евгений Шварц, Аркадий Гайдар, Лев Кассиль, Даниил Хармс, Агния Барто, Л. Пантелеев, Николай Носов, Сергей Михалков (расставляем их по годам рождения)... Существование этой славной дружины в суровых условиях партийно-советского режима и жесткой тогдашней цензуры – удивительное явление, или, как говорят учёные, феномен, над разгадкой которого ломает голову не одно поколение литературоведов. А загадка тут в том, что условия существования так называемых «взрослых» писателей и писателей детских были вроде бы одинаковыми; однако писатели «взрослые», за редкими исключениями, лучшие свои произведения советских лет писали «в стол», а писатели детские создали в тогдашней литературной «пустыне» нечто вроде оазиса, которым пользовались и дети, и взрослые.

Сам я вот давно уже стал взрослым, и даже пожилым, человеком, но книги наших детских классиков так и остались моими любимыми.

Что же позволяло детским писателям устоять в той жестокой, смертельно опасной борьбе? Что вдохновляло их на эту

борьбу?

А вдохновляла их прежде всего любовь к детям (для «взрослых» писателей вовсе не обязательная!), желание защитить их от творящихся вокруг жестокости, подлости и предательства.

Может показаться, однако, что к творчеству Бианки это не имеет отношения: он же писал о природе! Нет, и ему не удалось отсидеться в «башне из слоновой кости», где, по мнению некоторых философов XX века, полагалось жить поэтам (а Бианки был подлинным поэтом природы!). Да и всему его славному семейству. И хотя официально писатель, кажется, нигде не рассказал, как их семья перевалила через роковой Октябрь 17-го, легко сообразить, что при советском режиме ей пришлось тяжело: наверняка последовало пресловутое «уплотнение», при котором места для аквариума и террариума скорей всего не нашлось, а отец будущего писателя взят был на заметку как богатый и «чуждый революции элемент». И хотя в 1923 году вышли в свет сразу три детские книжки В. Бианки: «Чей нос лучше?», «Чьи это ноги?» и «Кто чем поёт?», но уже через три года писатель был выслан из Ленинграда в далёкий Уральск и следующее трёхлетие провёл в ссылке. А в 30-е годы последовала новая ссылка, хотя на сей раз поближе – в Новгородскую область. И это пришлось даже кстати, ибо в Ленинграде дела были много хуже. И когда в 1935 году Бианки сочинял свою сказочку «Как Муравьишка домой спешил», он не мог не думать о том, сколь опас-

но сейчас его землякам покидать родной дом: далеко не все возвращались обратно... (Об этом немного позднее напишет своё стихотворение «Из дома вышел человек...» ленинградский поэт Даниил Хармс).

О природе – значит, о людях!

Писал Бианки свои повести, рассказы и сказки о природе и постоянно слышал укоры критиков: не хочет он, дескать, писать о нашей советской жизни, нарочно уходит в свою «природу»...

Лишь немногие, более внимательные люди спрашивали писателя:

– Виталий Валентинович! Написано у вас всё про зверей, и всё точно написано, а пишете-то вы про человека!

– Вот уже сорок лет пишу! – смеялся в ответ Бианки. – А ты и не заметил?

В самом деле: разве за сказкой о потерявшейся маленькой ласточке-береговушке («Лесные домишки») не встаёт перед нами образ маленькой девочки, потерявшей дорогу домой? А в рассказе «Красная горка» (о заботах и хлопотах молодой воробьиной семьи) разве не проглядывают аналогичные заботы «человеческих» молодожёнов, приучающихся жить дружно со своими соседями (вспомним тогдашние многолюдные коммуналки)? Или взять сказку «Люля» – о доброй птичке, ценой невероятных усилий таскающей со дна моря землю в клювике, чтобы было где жить другим птицам и зверям (да, наверно, и людям: сказка-то философская!), а потом забытой всеми и так и не заслужившей права жить на суше, – не напоминает ли это что-то очень знакомое из на-

шей, человеческой, жизни?

Но и те произведения Бианки, кои относятся уже точно к природе и не дают рикошета на человеческую жизнь, – разве они так уж бесполезны для нас?..

На VIII съезде писателей СССР (1986), где многие делегаты выступали в защиту природы, прозвучало и выступление Константина Скворцова. «Жил среди нас удивительный, уникальный писатель Виталий Валентинович Бианки, – напомнил он, – его всю жизнь упрекали, что пишет он не о главном – пишет о птичках, цветах и деревьях. Для воспитания нравственного отношения к природе он сделал больше, чем кто-либо другой из нас».

Так сама жизнь подтвердила великую актуальность для нас книг Виталия Бианки, писавшего исключительно о природе (хотя, как мы видели, и не только о ней). Пришло время, когда они оказались нужнее, чем многие другие книги, сугубо «человеческие» и куда более солидные и важные, жизнь заставила нас воочию убедиться, что книжки «о птичках, цветах и деревьях» – это в конечном счёте всё равно о нас самих. И прежде всего о том, жить или не жить человеку на планете Земля...

Сергей Сивоконь

Рассказы

Мышонок Пик

Как мышонок попал в мореплаватели

Ребята пускали по реке кораблики. Брат вырезал их ножиком из толстых кусков сосновой коры. Сестрёнка прилаживала паруса из тряпочек.

На самый большой кораблик понадобилась длинная мачта.

– Надо из прямого сучка, – сказал брат, взял ножик и пошёл в кусты.

Вдруг он закричал оттуда:

– Мыши, мыши!

Сестрёнка бросилась к нему.

– Рубнул сучок, – рассказывал брат, – а они как порскнут! Целая куча! Одна вон сюда под корень. погоди, я её сейчас...

Он перерубил ножиком корень и вытащил крошечного мышонка.

– Да какой же он малюсенький! – удивилась сестрёнка. – И желторотый! Разве такие бывают?

– Это дикий мышонок, – объяснил брат, – полевой. У каждой породы своё имя, только я не знаю, как этого зовут.

Тут мышонок открыл розовый ротик и пискнул.

– Пик! Он говорит, его зовут Пик! – засмеялась сестрёнка. – Смотри, как он дрожит! Ай! Да у него ушко в крови. Это ты его ножиком ранил, когда доставал. Ему больно.

– Всё равно убью его, – сердито сказал брат. – Я их всех

убиваю: зачем они у нас хлеб воруют?

– Пусти его, – взмолилась сестрёнка, – он же маленький!

Но мальчик не хотел слушать.

– В речку заброшу, – сказал он и пошёл к берегу.

Девочка вдруг догадалась, как спасти мышонка.

– Стой! – закричала она брату. – Знаешь что? Посадим его в наш самый большой кораблик, и пускай он будет за пассажира!

На это брат согласился: все равно мышонок потонет в реке. А с живым пассажиром кораблик пустить интересно.

Наладили парус, посадили мышонка в долблёное судёнышко и пустили по течению. Ветер подхватил кораблик и погнал его от берега. Мышонок крепко вцепился в сухую кору и не шевелился.

Ребята махали ему руками с берега.

В это время их кликнули домой. Они ещё видели, как лёгкий кораблик на всех парусах исчез за поворотом реки.

– Бедный маленький Пик! – говорила девочка, когда они возвращались домой. – Кораблик, наверно, опрокинет ветром, и Пик утонет.

Мальчик молчал. Он думал, как бы ему извести всех мышей у них в чулане.

Кораблекрушение

А мышонка несло да несло на лёгком сосновом кораблике.

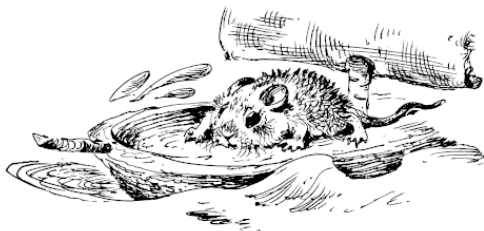
Ветер гнал судёнышко всё дальше от берега. Кругом плескались высокие волны. Река была широкая – целое море для крошечного Пика.

Пику было всего две недели от роду. Он не умел ни пищи себе разыскивать, ни прятаться от врагов. В тот день мышка-мать первый раз вывела своих мышат из гнезда – погулять. Она как раз кормила их своим молоком, когда мальчик испугнул всё мышиное семейство.

Пик был ещё сосунком. Ребята сыграли с ним злую шутку. Лучше б они разом убили его, чем пускать одного, маленького и незащищённого, в такое опасное путешествие.

Весь мир был против него. Ветер дул, точно хотел опрокинуть судёнышко, волны кидали кораблик, как будто хотели утопить его в тёмной своей глубине. Звери, птицы, гады, рыбы – все были против него. Каждый не прочь был поживиться глупым, незащищённым мышонком.

Первые заметили Пика большие белые чайки. Они подлетели и закружились над корабликом. Они кричали от досады, что не могут разом прикончить мышонка: боялись с лёту разбить себе клюв о твёрдую кору. Некоторые опустились на воду и вплавь догоняли кораблик.

А со дна реки поднялась щука и тоже поплыла за корабликом. Она ждала, когда чайки скинут мышонка в воду. Тогда ему не миновать её страшных зубов.

Пик слышал хищные крики чаек. Он зажмурил глаза и ждал смерти.

В это время сзади подлетела крупная хищная птица – рыболов-скопа. Чайки бросились врассыпную.

Рыболов увидел мышонка на кораблике и под ним щуку в воде. Он сложил крылья и ринулся вниз.

Он упал в реку совсем рядом с корабликом. Концом крыла он задел парус, и судёнышко перевернулось.

Когда рыболов тяжело поднялся из воды со щукой в когтях, на перевернутом кораблике никого не было. Чайки увидели это издали и улетели прочь; они думали, что мышонок утонул.

Пик не учился плавать. Но когда он попал в воду, оказалось, что надо было только работать лапками, чтобы не утонуть. Он вынырнул и ухватился зубами за кораблик.

Его понесло вместе с перевернувшимся судёнышком. Скоро судёнышко прибило волнами к незнакомому берегу.

Пик выскочил на песок и кинулся в кусты.

Это было настоящее кораблекрушение, и маленький пассажир мог считать себя счастливецом, что спасся.

Страшная ночь

Пик вымок до последней шерстинки. Пришлось вылизать всего себя язычком. После этого шёрстка скоро высохла, и он согрелся. Ему хотелось есть. Но выйти из-под куста он боялся: с реки доносились резкие крики чаек.

Так он и просидел голодный целый день.

Наконец стало темнеть. Птицы уgomонились. Только звонкие волны разбивались о близкий берег.

Пик осторожно вылез из-под куста.

Огляделся – никого. Тогда он тёмным клубочком быстро покатился в траву.

Тут он принялся сосать все листья и стебли, какие попадались ему на глаза. Но молока в них не было.

С досады он стал теревить и рвать их зубами.

Вдруг из одного стебля брызнул ему в рот тёплый сок. Сок был сладкий, как молоко мыши-матери.

Пик съел этот стебель и стал искать другие такие же. Он был голоден и совсем не видел, что творится вокруг него.

А над макушками высоких трав уже всходила полная луна. Быстрые тени бесшумно проносились в воздухе: это гонялись за ночными бабочками вёрткие летучие мыши.

Тихие шорохи и шелесты слышались со всех сторон в траве. Кто-то копошился там, шмыгал в кустах, прятался в кочках.

Пик ел. Он перегрызал стебли у самой земли. Стебель падал, и на мышонка летел дождь холодной росы. Зато на конце стебля Пик находил вкусный колосок. Мышонок усаживался, поднимал стебель передними лапками, как руками, и быстро съедал колосок.

Плюх-шлёп! – ударилось что-то о землю недалеко от мышонка.

Пик перестал грызть, прислушался.

В траве шуршало.

Плюх-шлёп!

Кто-то скакал по траве прямо на мышонка.

Надо скорей назад, в кусты!

Плюх-шлёп! – скакнуло сзади.

Плюх-шлёп! Плюх-шлёп! – раздалось со всех сторон.

Плюх! – раздалось совсем близко впереди.

Чьи-то длинные, вытянутые ноги мелькнули над травой, и – шлёп! – перед самым носом Пика шлёпнулся на землю пучеглазый маленький лягушонок.

Он испуганно уставился на мышонка. Мышонок с удивлением и страхом рассматривал его голую скользкую кожу...

Так они сидели друг перед другом, и ни тот ни другой не знали, что дальше делать.

А кругом по-прежнему слышалось – плюх-шлёп! плюх-шлёп! – точно целое стадо перепуганных лягушат, спасаясь от кого-то, скакало по траве.

И всё ближе и ближе слышалось лёгкое быстрое шурша-

ные.

И вот на один миг мышонок увидел: позади лягушонка взметнулось длинное гибкое тело серебристо-чёрной змеи.

Змея скользнула вниз, и длинные задние ноги лягушонка дрыгнули в её разинутой пасти.

Что дальше было, Пик не видел. Он опрометью кинулся прочь и сам не заметил, как очутился на ветке куста, высоко над землёй.

Тут он и провёл остаток ночи, благо брюшко у него было туго набито травой.

А кругом до рассвета слышались шорохи и шелесты.

Хвост-цеплялка и шёрстка-невидимка

Голодная смерть больше не грозит Пику: он уже научился находить себе пищу. Но как ему одному было спастись от всех врагов?

Мыши всегда живут большими стаями: так легче защищаться от нападения. Кто-нибудь да заметит приближающегося врага, свистнет, и все спрячутся.

А Пик был один. Ему надо было скорей отыскать других мышей и пристать к ним. И Пик отправился на розыски. Где только мог, он старался пробираться кустами. В этом месте было много змей, и он боялся спускаться к ним на землю.

Лазать он научился отлично. Особенно помогал ему хвост. Хвост у него был длинный, гибкий и цепкий. С та-

кой цеплялкой он мог лазать по тоненьким веточкам не хуже мартышки.

С ветки на ветку, с сучка на сучок, с куста на куст – так пробирался Пик три ночи подряд.

Наконец кусты кончились. Дальше был луг.

Мышей в кустах Пик не встретил. Пришлось бежать дальше травой.

Луг был сухой. Змеи не попадались. Мышонок расхрабрился, стал путешествовать и при солнце. Ел он теперь всё, что ему попадалось: зёрна и клубни разных растений, жуков, гусениц, червей. А скоро научился и новому способу прятаться от врагов.

Случилось это так: Пик раскопал в земле личинки каких-то жуков, уселся на задние лапки и стал закусывать.

Ярко светило солнце. В траве стрекотали кузнечики.

Пик видел вдали над лугом маленького сокола-трясучку, но не боялся его. Трясучка – птица величиной с голубя, только потоньше, – неподвижно висела в пустом воздухе, точно подвешенная на верёвочке. Только крылья у неё чуть-чуть тряслись да голову она поворачивала из стороны в сторону.

Он и не знал, какие зоркие глаза у трясучки.

Грудка у Пика была белая. Когда он сидел, её далеко было видно на бурой земле.

Пик понял опасность, только когда трясучка разом ринулась с места и стрелой понеслась к нему.

Бежать было поздно. У мышонка от страха отнялись ноги.

Он прижался грудью к земле и замер.

Трясучка долетела до него и вдруг опять повисла в воздухе, чуть заметно трепеща острыми крыльями. Она никак не могла взять в толк, куда исчез мышонок. Сейчас только она видела его ярко-белую грудку, и вдруг он пропал. Она зорко всматривалась в то место, где он сидел, но видела только бурые комья земли.

А Пик лежал тут, у неё на глазах.

На спинке-то шёрстка у него была жёлто-бурая, точь-в-точь под цвет земли, и сверху его никак нельзя было разглядеть.

Тут выскочил из травы зелёный кузнечик.

Трясучка кинулась вниз, подхватила его на лету и умчалась прочь.

Шёрстка-невидимка спасла Пика жизнь.

С тех пор, как замечал он издали врага, сейчас же прижимался к земле и лежал не шевелясь. И шёрстка-невидимка делала своё дело: обманывала самые зоркие глаза.

«Соловей-разбойник»

День за днём Пик бежал по лугу, но нигде не находил никаких следов мышей.

Наконец опять начались кусты, а за ними Пик услышал знакомый плеск речных волн.

Пришлось мышонку повернуть и направиться в другую

сторону. Он бежал всю ночь, а к утру забрался под большой куст и лёг спать.

Его разбудила громкая песня. Пик выглянул из-под корней и увидел у себя над головой красивую птичку с розовой грудью, серой головкой и красно-коричневой спинкой. Мышонку очень понравилась её весёлая песня. Ему захотелось послушать певичку поближе. Он полез к ней по кусту.

Певчие птицы никогда не трогали Пика, и он их не боялся. А эта певичка и ростом-то была немного крупнее воробья.

Не знал глупый мышонок, что это был сорокопут-жулан и что он хоть и певчая птица, а промышляет разбоем.

Пик и опомниться не успел, как жулан накинулся на него и больно ударил крючковатым клювом в спину.

От сильного удара Пик кубарем полетел с ветки.

Он упал в мягкую траву и не расшибся. Не успел жулан опять накинуться на него, как мышонок уже шмыгнул под

корни. Тогда хитрый «соловей-разбойник» уселся на куст и стал ждать, не выглянет ли Пик из-под корней.

Он пел очень красивые песенки, но мышонку было не до них. С того места, где сидел теперь Пик, ему был хорошо виден куст, на котором сидел жулан.

Ветки этого куста были усажены длинными острыми колючками. На колючках, как на пиках, торчали мёртвые, наполовину съеденные птенчики, ящерики, лягушата, жуки и кузнечики. Тут была воздушная кладовая разбойника.

Сидеть бы на колючке и мышонку, если бы он вышел из-под корней.

Целый день жулан сторожил Пика. Но когда зашло солнце, разбойник забрался в чашу спать. Тогда мышонок тихонько вылез из-под куста и убежал.

Может быть, впопыхах он сбился с пути, только на следующее утро он опять услышал за кустами плеск реки. И опять ему пришлось повернуть и бежать в другую сторону.

Конец путешествия

Пик бежал теперь по высохшему болоту.

Здесь рос один сухой мох; бежать по нему было очень трудно, а главное – нечем было подкрепиться: не попадались ни черви, ни гусеницы, ни сочная трава.

На вторую ночь мышонок совсем выбился из сил. Он с трудом взобрался ещё на какой-то пригорок и упал. Глаза его

слипались. В горле пересохло. Чтобы освежиться, он лёжа слизывал со мха капельки холодной росы.

Начало светать. С пригорка Пик далеко видел покрытую мхом долину. За ней снова начинался луг. Сочные травы там стояли высокой стеной. Но у мышонка не было сил подняться и добежать до них.

Выглянуло солнце. От его горячего света быстро стали высыхать капельки росы.

Пик чувствовал, что ему приходит конец. Он собрал остатки сил, пополз, но тут же свалился и скатился с пригорка. Он упал на спину, лапками вверх, и видел теперь перед собой только обросшую мхом кочку.

Прямо против него в кочке виднелась глубокая чёрная дырка, такая узкая, что Пик не мог бы всунуть в неё даже голову.

Мышонок заметил, что в глубине её что-то шевелится.

Скоро у входа показался мохнатый толстый шмель. Он вылез из дырки, почесал лапкой круглое брюшко, расправил крылья и поднялся на воздух.

Сделав круг над кочкой, шмель вернулся к своей норке и опустился у её входа. Тут он привстал на лапках и так заработал своими жёсткими крылышками, что ветер пахнул на мышонка.

Жжжуу! – гудели крылышки. – Жжжуу!..

Это был шмель-трубач. Он загонял в глубокую норку свежий воздух – проветривал помещение – и будил других шме-

лей, ещё спавших в гнезде.

Скоро один за другим вылезли из норки все шмели и полетели на луг – собирать мёд. Последним улетел трубач. Пик остался один. Он понял, что надо сделать, чтобы спастись.

Кое-как, ползком, с передышками, он добрался до шмелиной норки. Оттуда ударил ему в нос сладкий запах.

Пик ковырнул носом землю. Земля подалась.

Он ковырнул ещё и ещё, пока не вырыл ямку. На дне ямки показались крупные ячейки серого воска. В одних лежали шмелиные личинки, другие были полны душистым жёлтым мёдом.

Мышонок жадно стал лизать сладкое лакомство. Вылизал весь мёд, принялся за личинок и живо справился с ними.

Силы быстро возвращались к нему: такой сытной пищи он ещё ни разу не ел с тех пор, как расстался с матерью. Он дальше и дальше разрывал землю – теперь уже без труда – и находил всё новые ячейки с мёдом, с личинками.

Вдруг что-то больно кольнуло его в щёку. Пик отскочил. Из-под земли лезла на него большая шмелиная матка. Пик хотел было кинуться на неё, но тут загудели, зажужжали над ним крылья: шмели вернулись с луга.

Целое войско их накинулось на мышонка, и ему ничего не оставалось, как броситься в бегство.

Со всех ног пустился от них Пик. Густая шёрстка защищала его от страшных шмелиных жал. Но шмели выбирали места, где волос покороче, и кололи его в уши, в ноги, в затылок.

Одним духом – откуда и прыть взялась! – домчался он до луга и спрятался в густой траве.

Тут шмели отстали от него и вернулись к своему разграбленному гнезду.

В тот же день Пик пересек сырой, болотистый луг и снова очутился на берегу реки.

Пик находился на острове.

Постройка дома

Остров, на который попал Пик, был необитаемый: мышей

на нём не было. Жили тут только птицы, только змеи да лягушки, которым ничего не стоило перебраться сюда через широкую реку.

Пик должен был жить здесь один.

Знаменитый Робинзон, когда он попал на необитаемый остров, стал думать, как ему жить одному. Он рассудил, что сперва надо выстроить себе дом, который защищал бы его от непогоды и нападения врагов. А потом стал собирать запасы на чёрный день.

Пик был всего только мышонок: он не умел рассуждать. И всё-таки он поступил как раз так же, как Робинзон. Первым делом он принялся строить себе дом.

Его никто не учил строить: это было у него в крови. Он строил так, как строили все мыши одной с ним породы.

На болотистом лугу рос высокий тростник вперемежку с осокой – отличный лес для мышиной постройки.

Пик выбрал несколько растущих рядом тростинок, влез на них, отгрыз верхушки и концы расщепил зубами. Он был так мал и лёгок, что трава легко держала его.

Потом он принялся за листья. Он влезал на осоку и отгрызал лист у самого стебля. Лист падал, мышонок слезал вниз, поднимал передними лапами лист и протягивал его сквозь стиснутые зубы. Размочаленные полоски листьев мышонок таскал наверх и ловко вплетал их в расщеплённые концы тростника. Он влезал на такие тонкие травинки, что они гнулись под ним. Он связывал их вершинками одну за другой.

В конце концов у него получился лёгкий круглый домик, очень похожий на птичье гнёздышко. Весь домик был величиной с детский кулак.

Сбоку мышонок проделал в нём ход, внутри выложил мхом, листьями и тонкими корешками. Для постели он натаскал мягкого, тёплого цветочного пуха. Спаленка вышла на славу.

Теперь у Пика было где отдохнуть и прятаться от непогоды и врагов. Издали самый зоркий глаз не мог бы заметить травяное гнёздышко, со всех сторон скрытое высоким тростником и густой осокой. Ни одна змея не добралась бы до него: так высоко оно висело над землёй.

Лучше придумать не мог бы и сам настоящий Робинзон.

Незванный гость

Проходили дни за днями.

Мышонок спокойно жил в своём воздушном домике. Он стал совсем взрослым, но вырос очень мало. Больше расти ему не полагалось, потому что Пик принадлежал к породе мышей-малюток. Эти мыши ещё меньше ростом, чем наши маленькие серые домовые мыши.

Пик часто теперь подолгу пропадал из дому. В жаркие дни он купался в прохладной воде болота, неподалёку от луга.

Один раз он с вечера ушёл из дому, нашёл на лугу два шмелиных гнезда и так наелся мёду, что тут же забрался в

траву и заснул.

Домой вернулся Пик только утром. Ещё внизу он заметил что-то неладное. По земле и по одному из стеблей тянулась широкая полоса густой слизи, а из гнезда торчал толстый кургузый хвост.

Мышонок не на шутку струсил. Гладкий жирный хвост похож был на змеиный. Только у змей хвост твёрдый и покрыт чешуёй, а этот был голый, мягкий, весь в какой-то липкой слизи.

Пик набрался храбрости и влез по стеблю, поближе взглянуть на незваного гостя.

В это время хвост медленно зашевелился, и перепуганный мышонок кубарем скатился на землю. Он спрятался в траве и оттуда увидел, как чудовище лениво выползло из его дома.

Сперва исчез в отверстии гнезда толстый хвост. Потом оттуда показалось два длинных мягких рога с пупырышками на концах. Потом ещё два таких же рога – только коротких. И за ними наконец высунулась вся отвратительная голова чудовища.

Мышонок видел, как медленно-медленно выползло, точно пролилось, из его дома голое, мягкое, слизкое тело гигантского слизняка.

От головы до хвоста слизняк был длиной добрых три вершка¹.

Он начал спускаться на землю. Его мягкое брюхо плотно

¹ Вершок равен 4,45 см.

прилипало к стеблю, и на стебле оставалась широкая полоса густой слизи.

Пик не стал дожидаться, когда он сползёт на землю, и убежал. Мягкий слизняк ничего не мог сделать ему, но мышонку было противно это холодное, вялое, липкое животное.

Только через несколько часов Пик вернулся. Слизняк куда-то уполз.

Мышонок залез в своё гнездо. Всё там было вымазано противной слизью. Пик выкинул весь пух и постелил новый. Только после этого он решился лечь спать. С тех пор, уходя из дому, он всегда затыкал вход пучком сухой травы.

Кладовая

Дни становились короче, ночи холоднее.

На злаках созрели зёрна. Ветер ронял их на землю, и птицы стаями слетались к мышонку на луг подбирать их.

Пику жилось очень сытно. Он с каждым днём полнел. Шёрстка на нём лоснилась.

Теперь маленький четырёхногий робинзон устроил себе кладовую и собирал в неё запасы на чёрный день. Он вырыл в земле норку и конец её расширил. Сюда он таскал зёрна, как в погреб.

Потом этого ему показалось мало. Он вырыл рядом другой погреб и соединил их подземным ходом.

Всё шли дожди. Земля размякла сверху, трава пожелтела,

намокла и поникла. Травяной домик Пика опустился и висел теперь низко над землёй. В нём завелась плесень.

Жить в гнезде стало плохо. Скоро трава совсем полегла на землю, гнездо приметным тёмным шариком висело на тростнике. Это уже было опасно.

Пик решил перейти жить под землю. Он больше не боялся, что к нему в норку заползёт змея или потревожат его непоседливые лягушата: змеи и лягушата давно куда-то исчезли.

Мышонок выбрал себе для норки сухое и укромное местечко под кочкой. Ход в норку Пик устроил с подветренной стороны, чтобы холодный воздух не задувало в его жилище.

От входа шёл длинный прямой коридор. Он расширялся в конце в небольшую круглую комнатку. Сюда Пик натаскал сухого мху и травы – устроил себе спальню.

В его новой подземной спальне было тепло и уютно. Он прорыл из неё под землёй ходы в оба свои погреба, чтобы ему можно было бегать, не выходя наружу.

Когда всё было готово, мышонок плотно заткнул травой вход в свой воздушный летний домик и перешёл в подземный.

Снег и сон

Птицы больше не прилетали клевать зерно. Трава плотно легла на землю, и холодный ветер свободно разгуливал по

острову.

К тому времени Пик ужасно растолстел. Какая-то вялость на него напала. Ему лень было много шевелиться. Он всё реже вылезал из норки.

Раз утром он увидел, что вход в его жилище завалило. Он разрыл холодный рыхлый снег и вышел на луг.

Вся земля была белая. Снег нестерпимо сверкал на солнце. Голые лапки мышонка обжигало холодом.

Потом начались морозы.

Плохо пришлось бы мышонку, если б он не запас себе пищи. Как выкапывать зёрна из-под глубокого мёрзлого снега?

Сонливая вялость всё чаще охватывала Пика. Теперь он не выходил из спальни по два, по три дня и всё спал. Проснувшись, отправлялся в погреб, наедался там и опять засыпал на несколько дней. Наружу он совсем перестал ходить.

Под землёй ему было хорошо. Он лежал на мягкой постели, свернувшись в тёплый, пушистый клубок. Сердчишко его билось всё реже, всё тише. Дыхание стало слабым-слабым. Сладкий, долгий сон совсем одолел его.

Мышки-малютки не спят всю зиму, как сурки или хомяки. От долгого сна они худеют, им становится холодно. Тогда они просыпаются и берутся за свои запасы.

Пик спал спокойно: ведь у него было два полных погреба зерна. Он и не чуял, какое неожиданное несчастье скоро стрясётся над ним.

Ужасное пробуждение

Морозным зимним вечером ребята сидели у тёплой печки.

– Плохо сейчас зверюшкам, – задумчиво сказала сестрёнка. – Помнишь маленького Пика? Где он теперь?

– А кто его знает! – равнодушно ответил брат. – Давно уж, верно, попал кому-нибудь в когти.

Девочка всхлипнула.

– Ты чего? – удивился брат.

– Жалко мышонка, он такой пушистый, жёлтенький...

– Нашла кого жалеть! Мышеловку поставлю – сто штук тебе наловлю!

– Не надо мне сто! – всхлипывала сестрёнка. – Принеси мне одного такого маленького, жёлтенького...

– Обожди, глупая, может, и такой попадётся.

Девочка утёрла кулачком слёзы.

– Ну, смотри: попадётся – ты его не трогай, мне подари. Обещаешь?

– Ладно уж, рёва! – согласился брат.

В тот же вечер он поставил в чулане мышеловку.

Это был тот самый вечер, когда Пик проснулся у себя в норке.

На этот раз его разбудил не холод. Сквозь сон мышонок почувствовал, как что-то тяжёлое надавило ему на спину. И

сейчас же мороз защищал его под шёрсткой.

Когда Пик совсем очнулся, его уже било от холода. Сверху его придавили земля и снег. Потолок над ним обвалился. Коридор был засыпан.

Нельзя было медлить ни минуты: мороз шутить не любит.

Надо в погреб и поскорей наестся зерна: сытому теплей, сытого мороз не убьёт.

Мышонок выскочил наверх и по снегу побежал к погребам.

Но весь снег кругом был изрыт узкими глубокими ямками — следами козьих копыт².

Пик поминутно падал в ямки, карабкался наверх и снова летел вниз.

А когда добрался до того места, где были его погреба, он увидел там только большую яму.

Козы не только разрушили его подземное жилище, но и съели все его запасы.

По снегу и по льду

Немного зёрен Пику удалось всё-таки откопать в яме. Козы втоптали их в снег копытами.

Пища подкрепила мышонка и согрела его. Опять начала охватывать его вялая сонливость. Но он чувствовал: под-

² Имеются в виду следы косуль.

дашься сну – замёрзнешь.

Пик стряхнул с себя лень и побежал.

Куда? Этого он и сам не знал. Просто бежал и бежал куда глаза глядят.

Наступила уже ночь, и луна стояла высоко в небе. Мелкими звёздочками блестел кругом снег.

Мышонок добежал до берега реки и остановился. Берег был обрывистый. Под обрывом лежала густая, тёмная тень. А впереди сверкала широкая ледяная река.

Пик тревожно понюхал воздух.

Он боялся бежать по льду. Что, если кто-нибудь заметит его посреди реки? В снег хоть зарыться можно, если опасность.

Назад повернуть – там смерть от холода и голода. Впереди где-нибудь есть, может быть, пища и тепло. И Пик побежал вперёд. Он спустился под обрыв и покинул остров, на котором долго жил так спокойно и счастливо.

А злые глаза уже заметили его.

Он не добежал ещё до середины реки, когда сзади стала его настигать быстрая и бесшумная тень. Только тень, лёгкую тень на льду он и увидел, обернувшись. Он даже не знал, кто за ним гонится.

Напрасно он припал к земле брюшком, как делал всегда в минуту опасности: его тёмная шёрстка резким пятном выделялась на сверкающем синеватом льду, и прозрачная мгла лунной ночи не могла спрятать его от страшных глаз врага.

Тень покрыла мышонка. Кривые когти больно впились в его тело. По голове что-то крепко стукнуло. И Пик перестал чувствовать.

Из беды в беду

Пик очнулся в полной темноте. Он лежал на чём-то твёрдом и неровном. Голова и раны на теле сильно болели, но было тепло.

Пока он зализывал свои раны, глаза его понемножку начали привыкать к темноте.

Он увидел, что находится в просторном помещении с круглыми стенами, уходящими куда-то вверх. Потолка не было видно, хотя где-то над головой мышонка зияло большое отверстие. Через это отверстие в помещение проникал ещё совсем бледный свет утренней зари.

Пик посмотрел, на чём он лежит, и сейчас же вскочил.

Лежал он, оказывается, на мёртвых мышах. Мышей было несколько, и все они зачоченели: видно, лежали здесь давно.

Страх придал мышонку силы.

Пик выкарабкался по шероховатой отвесной стене и выглянул наружу.

Кругом были только засыпанные снегом ветви. Внизу под ними виднелись макушки кустов.

Сам Пик находился на дереве: выглядывал из дупла.

Кто принёс его сюда и бросил на дно дупла, мышонок так никогда и не узнал. Да он и не ломал себе голову над этой загадкой, а просто поспешил скорей удрать отсюда.

Дело же было так. На льду реки его настигла ушастая лес-

ная сова. Она стукнула его клювом по голове, схватила когтями и понесла в лес.

К счастью, сова была очень сыта: она только что поймала зайчонка и съела, сколько могла. Зоб её был так плотно набит, что в нём не оставалось места даже для маленького мышонка. Она и решила оставить Пика про запас³.

Сова отнесла его в лес и кинула в дупло, где у неё была кладовая. Она ещё с осени натаскала сюда с десятков убитых мышей. Зимой добывать пищу бывает трудно, и даже таким ночным разбойникам, как сова, случается голодать.

Конечно, она не знала, что мышонок только оглушён, а то сейчас же проломила бы ему череп своим острым клювом! Обыкновенно ей удавалось приканчивать мышей с первого удара.

Пику повезло на этот раз. Пик благополучно спустился с дерева и шмыгнул в кусты.

Только тут он заметил, что с ним творится что-то неладное: дыхание со свистом вылетало у него из горла.

Раны не были смертельны, но совиные когти что-то повредили ему в груди, и вот он начал свистеть после быстрого бега.

Когда он отдохнул и стал дышать ровно, свист прекратился. Мышонок наелся горькой коры с куста и снова побежал – подальше от страшного места.

Мышонок бежал, а позади него оставалась в снегу тонкая

³ У сов нет зоба. Ушастые совы не делают запасов еды на зиму.

двойная дорожка: его след.

И когда Пик добежал до поляны, где за забором стоял большой дом с дымящими трубами, на след его уже напала лиса.

Нюх у лисы очень тонкий. Она сразу поняла, что мышонок пробежал тут только что, и пустилась его догонять.

Её огненно-рыжий хвост так и замелькал меж кустов, и уж, конечно, она бежала гораздо быстрее мышонка.

Горе-музыкант

Пик не знал, что лиса гонится за ним по пятам. Поэтому, когда из дома выскочили две громадные собаки и с лаем кинулись к нему, решил, что погиб.

Но собаки, понятно, его даже не заметили. Они увидели лису, которая выскочила за ним из кустов, и кинулись на неё.

Лиса мигом повернула назад. Её огненный хвост мелькнул в последний раз и исчез в лесу. Собаки громадными прыжками пронеслись над головой мышонка и тоже пропали в кустах.

Пик без всяких приключений добрался до дома и шмыгнул в подполье.

Первое, что Пик заметил в подполье, был сильный запах мышей.

У каждой породы зверей свой запах, и мыши различают друг друга по запаху так же хорошо, как мы различаем людей

по их виду.

Поэтому Пик узнал, что тут жили мыши не его породы⁴. Но всё-таки это были мыши, и Пик был мышонок.

Он так же обрадовался им, как Робинзон обрадовался людям, когда вернулся к ним со своего необитаемого острова.

Сейчас же и Пик побежал отыскивать мышей.

Но разыскать мышей здесь оказалось не так просто. Мышиные следы и запах их были всюду, а самих мышей нигде не было видно.

В потолке подполья были прогрызены дырки. Пик подумал, что мыши, может быть, живут там, наверху, взобрался по стенке, вылез через дырку и очутился в чулане.

На полу стояли большие, туго набитые мешки. Один из них был прогрызен внизу, и крупа высыпалась из него на пол.

А по стенкам чулана были полки. Оттуда доносились замечательные вкусные запахи. Пахло и копчёным, и сушёным, и жареным, и ещё чем-то очень сладким.

Голодный мышонок жадно набросился на еду.

После горькой коры крупа показалась ему такой вкусной, что он наелся прямо до отвала. Так наелся, что ему даже дышать стало трудно.

И тут опять в горле у него засвистело и запело.

А в это время из дырки в полу высунулась усатая острая мордочка. Сердитые глазки блеснули в темноте, и в чулан выскочила крупная серая мышь, а за ней ещё четыре такие

⁴ Не его вида.

же.

Вид у них был такой грозный, что Пик не решился кинуться им навстречу. Он робко топтался на месте и от волнения свистал всё громче и громче.

Серым мышам не понравился этот свист.

Откуда взялся этот чужой мышонок-музыкант?

Серые мыши чулан считали своим. Они иногда принимали к себе в подполье диких мышей, прибежавших из лесу, но таких свистунов никогда ещё не видали.

Одна из мышей бросилась на Пика и больно куснула его в плечо. За ней налетели другие.

Пик еле-еле успел улизнуть от них в дырочку под каким-то ящиком. Дырочка была так узка, что серые мыши не могли туда за ним пролезть. Тут он был в безопасности.

Но ему было очень горько, что его серые родственники не захотели принять его в свою семью.

Мышеловка

Каждое утро сестрёнка спрашивала у брата:

– Ну что, поймался мышонок?

Брат показывал ей мышей, какие попадались ему в мышеловку. Но это были всё серые мыши, и девочке они не нравились. Она даже немножко боялась их. Ей непременно надо было маленького жёлтого мышонка, но в последние дни мыши что-то перестали попадаться.

Удивительней всего было, что приманку кто-то съедал каждую ночь. С вечера мальчик насадит пахучий кусочек копчёной ветчины на крючок, насторожит тугие дверцы мышеловки, а утром придёт – на крючке нет ничего и дверцы захлопнуты.

Он уж и мышеловку сколько раз осматривал: нет ли где дырки? Но больших дырок – таких, через которые могла пролезть мышь, – в мышеловке не было.

Так прошла целая неделя, а мальчик никак не мог понять, кто ворует у него приманку.

И вот утром на восьмой день мальчик прибежал из чулана и ещё в дверях закричал:

– Поймал! Гляди: жёлтенький!

– Жёлтенький, жёлтенький! – радовалась сестрёнка. – Смотри, да это же наш Пик: у него и ушко разрезано. Помнишь, ты его ножиком тогда?.. Беги скорей за молоком, а я оденусь пока.

Она была ещё в постели.

Брат побежал в другую комнату, а она поставила мышеловку на пол, выскочила из-под одеяла и быстро накинула на себя платье.

Но когда она снова взглянула на мышеловку, мышонка там уже не было.

Пик давно научился удирать из мышеловки. Одна проводочка была в ней немножко отогнута. Серые мыши не могли протиснуться в эту лазейку, а он проходил свободно.

Он попадал в ловушку через открытые дверцы и сейчас же дёргал за приманку.

Дверцы с шумом захлопывались, но он быстро оправлялся от страха, спокойно съедал приманку, а потом уходил через лазейку.

В последнюю ночь мальчик случайно поставил мышеловку у самой стенки, и как раз тем боком, где была лазейка, и Пик попался. А когда девочка оставила мышеловку среди комнаты, он выскочил и спрятался за большой сундук.

Музыка

Брат застал сестрёнку в слезах.

– Он убежал! – говорила она сквозь слезы. – Он не хочет у меня жить!

Брат поставил блюдечко с молоком на стол и принялся её утешать:

– Распустила нюни! Да я его сейчас поймаю в сапог!

– Как в сапог? – удивилась девочка.

– Очень просто! Сниму сапог и положу его голенищем по стенке, а ты погонишь мышонка. Он побежит вдоль стенки – они всегда по самой стенке бегают, – увидит дырку в голенище, подумает, что это норка, и шмыг туда! Тут я его и схвачу, в сапоге-то.

Сестрёнка перестала плакать.

– А знаешь что? – сказала она задумчиво. – Не будем его

ловить. Пусть живёт у нас в комнате. Кошки у нас нет, его никто не тронет. А молочко я буду ставить ему вот сюда, на пол.

– Всегда ты выдумываешь! – недовольно сказал брат. – Мне дела нет. Этого мышонка я тебе подарил, делай с ним что хочешь.

Девочка поставила блюдце на пол, крошила в него хлеба. Сама села в сторонку и стала ждать, когда мышонок выйдет. Но он так и не вышел до самой ночи. Ребята решили даже, что он убежал из комнаты.

Однако утром молоко оказалось выпитым и хлеб съеденным.

«Как же мне его приручить?» – думала девочка.

Пику жилось теперь очень хорошо. Он ел теперь всегда вдоволь, серых мышей в комнате не было, и его никто не трогал.

Он натаскал за сундук тряпок и бумажек и устроил себе там гнездо.

Людей он остерегался и выходил из-за сундука только ночью, когда ребята спали.

Но раз днём он услышал красивую музыку. Кто-то играл на дудочке. Голос у дудочки был тонкий и такой жалобный.

И опять, как в тот раз, когда Пик услышал «соловья-разбойника» – жулана, мышонок не мог справиться с искушением послушать музыку ближе. Он вылез из-за сундука и уселся на полу среди комнаты.

На дудочке играл мальчик.

Девочка сидела рядом с ним и слушала. Она первая заметила мышонка.

Глаза у неё стали вдруг большие и тёмные. Она тихонько подтолкнула брата локтем и прошептала ему:

– Не шевелись!.. Видишь, Пик вышел. Играй, играй: он хочет слушать!

Брат продолжал дудеть.

Дети сидели смирно, боясь пошевелиться.

Мышонок слушал грустную песенку дудочки и как-то совсем забыл про опасность.

Он даже подошёл к блюдцу и стал лакать молоко, точно в комнате никого не было. И скоро налакался так, что сам стал свистеть.

– Слышишь? – тихонько сказала девочка брату. – Он поёт.

Пик опомнился только тогда, когда мальчик опустил дудочку. И сейчас же убежал за сундук.

Но теперь ребята знали, как приручить дикого мышонка.

Они тихонько дудели в дудочку. Пик выходил на середину комнаты, садился и слушал. А когда он сам начинал свистеть, у них получались настоящие концерты.

Хороший конец

Скоро мышонок так привык к ребятам, что совсем перестал их бояться. Он стал выходить без музыки. Девочка приучила его даже брать хлеб у неё из рук. Она садилась на пол, а он карабкался к ней на колени.

Ребята сделали ему маленький деревянный домик с нарисованными окнами и настоящими дверями. В этом домике он жил у них на столе. А когда выходил гулять, по старой привычке затыкал дверь всем, что попадалось ему на глаза: тряпочкой, мятой бумажкой, ватой.

Даже мальчик, который так не любил мышей, очень привязался к Пику. Больше всего ему нравилось, что мышонок

ест и умывается передними лапками, как руками.

А сестрёнка очень любила слушать его тоненький-тоненький свист.

— Он хорошо поёт, — говорила она брату, — он очень любит музыку.

Ей в голову не приходило, что мышонок пел совсем не для своего удовольствия. Она ведь не знала, какие опасности пережил маленький Пик и какое трудное путешествие он совершил, раньше чем попал к ней.

И хорошо, что оно так хорошо кончилось.

Где раки зимуют

В кухне на табуретке стояла плоская корзина, на плите – кастрюля, на столе – большое белое блюдо. В корзине были раки, в кастрюле был кипяток с укропом и солью, а на блюде ничего не было.

Вошла Хозяйка и начала.

Раз – опустила руку в корзину и схватила рака поперёк спины;

два – кинула рака в кастрюлю, подождала, пока он сварится, и —

три – переложила рака ложкой из кастрюли на блюдо.

И пошло, и пошло.

Раз – чёрный рак, схваченный поперёк спины, сердито шевелил усами, раскрывал клешни и щёлкал хвостом;

два – рак окунался в кипяток, переставал шевелиться и краснел;

три – красный рак ложился на блюдо, лежал неподвижно, и от него шёл пар.

Раз-два-три, раз-два-три, – в корзине оставалось всё меньше чёрных раков, кипяток в кастрюле кипел и булькал, а на белом блюде росла гора красных раков.

И вот остался в корзине один, последний рак.

Раз – и Хозяйка схватила его пальцами поперёк спины.

В это время ей крикнули что-то из столовой.

– Несу, несу! Последний! – ответила хозяйка – и спу-
талась: два – кинула чёрного рака на блюдо, подождала
немножко, подцепила ложкой с блюда красного рака и – три
– опустила его в кипяток.

Красному раку было всё равно, где лежать: в горячей ка-
стрюле или на прохладном блюде. Чёрному раку совсем не
хотелось в кастрюлю, не хотелось ему лежать и на блюде.
Больше всего на свете ему хотелось туда, где раки зимуют.

И, долго не раздумывая, он начал своё путешествие: за-
дом-задом, на попятный двор.

Он наткнулся на гору неподвижных красных раков и за-
бился под них.

Хозяйка украсила блюдо укропом и подала на стол.

Белое блюдо с красными раками и зелёным укропом было
красиво. Раки были вкусные. Гости были голодны. Хозяйка
была занята. И никто не заметил, как чёрный рак перевалил-
ся с блюда на стол и задом-задом подполз под тарелку, за-
дом-задом добрался до самого края стола.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.